

КУЛЬТ СВЯТЫХ ЦЕЛИТЕЛЕЙ В НОВГОРОДЕ В XI–XII в.*

Истоки культа врачей обнаруживаются в древнейших текстах, в которых мысль об очищении от греха и заблуждений вела к духовному обновлению, исцелению человека, входившего в вечную жизнь со Христом. Деяния святых врачей, возвращавших зрение слепым, речь онемевшим, разум бесноватым, заставлявших двигаться парализованных, сравнивались с чудесными исцелениями Христа, знаменовавшими победу света над тьмой, жизни над смертью и в конечном итоге торжество веры.

В Новгороде почитание святых целителей восходит к концу XI — началу XII в., времени княжения старших Мономаховичей, о чем свидетельствуют созданные тогда изображения на фресках, иконах и произведениях декоративно-прикладного искусства.

Особым почитанием пользовался мученик Пантелеймон. В Историческом архиве в Кельне А. В. Назаренко обнаружил рукопись второй половины XII в., в которой находится проповедь в день св. Пантелеймона с описанием чуда о князе Мстиславе Владимировиче, раненном во время охоты на медведя. Мать князя Гида молилась о выздоровлении сына, и явившийся во сне Пантелеймон способствовал исцелению больного¹. А. В. Назаренко и В. А. Кучкин, расходясь в датировке на десятилетие, относят это событие к 80–90-м годам XI в.² Возможно, в память о совершенном чуде Мстислав основал Пантелеймонов монастырь³. Имя Пантелеймона было дано в крещении сыну Мстислава Владимировича Изяславу, родившемуся не позднее первого десятилетия XII в.⁴ В 1134 г., по благословению епископа Нифонта, Изяслав пожаловал землю уже существовавшему (?) новгородскому Пантелеймонову монастырю. Одновременно князь Всеволод Мстиславич, старший сын Мстислава, дал своему брату грамоту на рель у Волхова и установление границ между Юрьевым и Пантелеймоновым монастырями⁵. Шлем с изображением Пантелеймона был на Изяславе во время битвы при Руте в 1151 г.⁶ На печатях Изяслава изображены патрональные святые Пантелеймон и Феодор, святое имя Пантелеймона унаследовал сын Изяслава Ярослав⁷.

Ведущей парой среди святых целителей были Косма и Дамиан. Именно им был обязан своим исцелением византийский император Юстиниан (VI в.). С тех пор их культ становится частью царского религиозного ритуала⁸. В Месяцеслове Мстиславова Евангелия врачи Косма и Дамиан, Кир и Иоанн объединены одной службой, во время которой было положено чтение из Евангелия от Матфея: «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

¹ Назаренко А. В. Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история. 1993. № 2. С. 65–78. Автором проповеди является аббат Руперт, известный церковный деятель первой трети XII в.

² Кучкин В. А. Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в средние века и новое время. М., 1999. С. 56, 73–74.

³ Там же. С. 55.

⁴ Там же. С. 55, 71–74.

⁵ Янин В. Л. Из истории землевладения в Новгороде в XII в. // Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 52–54.

⁶ ПСРА. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 438–439.

⁷ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV в. М., 1970. Т. 1. Печати X — начала XIII в. С. 103–104, 196, 214–215. № 149–151, 214–215; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV в. М., 1998. Т. 3. С. 43–44. № 149–151, 214 а, 215 а.

⁸ Deubner L. Kosmas und Damian: Texte und Einleitung. Berlin, 1907. S. 57; Лазарев В. Н. Византийская живопись. М., 1971. С. 65.

изгоняйте. Даром получили, даром давайте» (Мф. 10: 5—8). В родовом гнезде Мстиславичей на Городище была церковь Космы и Дамиана, сгоревшая в 1386 г.⁹

Косма и Дамиан с атрибутами целителей изображены по сторонам Этимасии на верхнем поле иконы «Святитель Никола с избранными святыми» конца XII — начала XIII в. (ныне в ГТГ) (Рис. 1). Происхождение иконы неизвестно, но не исключено, что она происходит из несохранившейся деревянной церкви Николы на Городище, поставленной в 1165 г. внуком Мстислава Святославом Ростиславичем¹⁰. На боковых полях и на нижнем поле иконы изображены мученики Борис и Глеб, Флор и Лавр, Евдокия и Домна, Параскева Пятница и Фотиния. Но «зачалом» этой поминальной композиции, определяя ее общий целительный смысл, являются изображения Космы и Дамиана.

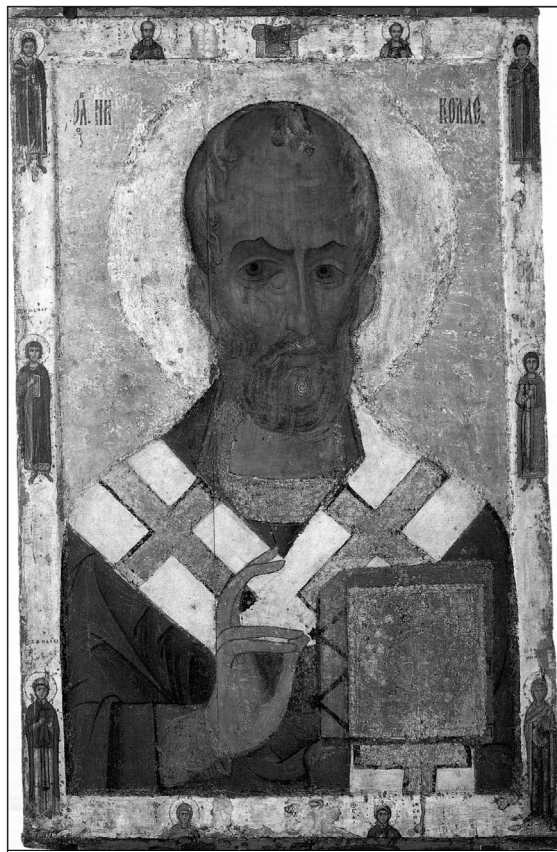

Рис. 1. Святитель Никола с избранными святыми. Икона конца XII — начала XIII в. ГТГ

В росписи 1125 г. Рождественского собора в Антониевом монастыре на лицевой стороне предалтарных столбов, сразу под композицией Благовещения, располагаются две пары врачей. Слева — Кир и Иоанн, справа — Флор и Лавр (Рис. 2). В руках у них соответствующие атрибуты. Кир держит сосуд с лекарствами, Флор — скальпель и свиток, Лавр — скальпель и пиксиду, коробочку для снадобий. В данном случае принадлежности лечебной практики бесспорно свидетельствуют о врачебной миссии Флора и Лавра (Рис. 3). Церковь Флора и Лавра в Новгороде впервые упоминается в связи с пожаром под 1348 г.¹¹, но она могла существовать и ранее.

⁹ ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Т. 4. С. 346.

¹⁰ Вторично церковь Николы была срублена Ярославом Владимировичем в 1191 г. В результате раскопок Н. Е. Макаренко на Городище, в 300 метрах от церкви Благовещения, на холмике, называемом «Никола», были обнаружены остатки деревянной церкви XVI—XVII в. В северо-западной ее части под известковым полом был найден сосудик XI—XII в. и медная цепочка, в алтарной части — остатки угля и золы и перегоревший деревянный образок (Новгород Великий: История и культура IX—XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2008. С. 525).

¹¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950. С. 161.

По Семисоборной росписи в церкви был придел Кира и Иоанна¹². Из того же храма происходит Людогощенский крест 1359 г., на котором среди многочисленных святых присутствуют Флор и Лавр, Косма и Дамиан¹³. Согласно дозорной книге 1586 г. на Людогощей улице, где стояла церковь, жили юридически зависимые от владыки лекари (лечцы) и, как видно, находившиеся под покровительством святых целителей Флора и Лавра, Кира и Иоанна¹⁴.

Рис. 2. Святые врачи Флор и Лавр. Фреска на предалтарном столбе в Рождественском соборе Антониева монастыря. 1125 г.

В Рождественском соборе Антониева монастыря на северном склоне арочного прохода в диаконник изображен архидиакон Стефан. Это его традиционное место, но расположение неподалеку от него святых врачей позволяет объединить изображения и видеть в обычном диаконском каждении ритуальное пожелание выздоровления¹⁵.

Этот смысловой контакт наглядно продемонстрирован на большом, поддерживаемом рукой бронзовом кресте VI–VII в. из собрания Музея Метрополитен, где Стефан занимает главное место в средокрестии, по сторонам его располагаются апостолы Павел и Петр и внизу — Косма и Дамиан (Рис. 4)¹⁶.

¹² Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 67.

¹³ Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство. М., 1978. С. 170–183.

¹⁴ Новгород Великий во второй половине XVI в.: Сб. документов / Сост. К. В. Баранов. М., 2001. С. 101, 103, 105.

¹⁵ Vikan G. Art, Medicine, and Magic in the Early Byzantium // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1984. Vol. 38. P. 84–85.

¹⁶ Ibid. P. 84–85. Fig. 28.

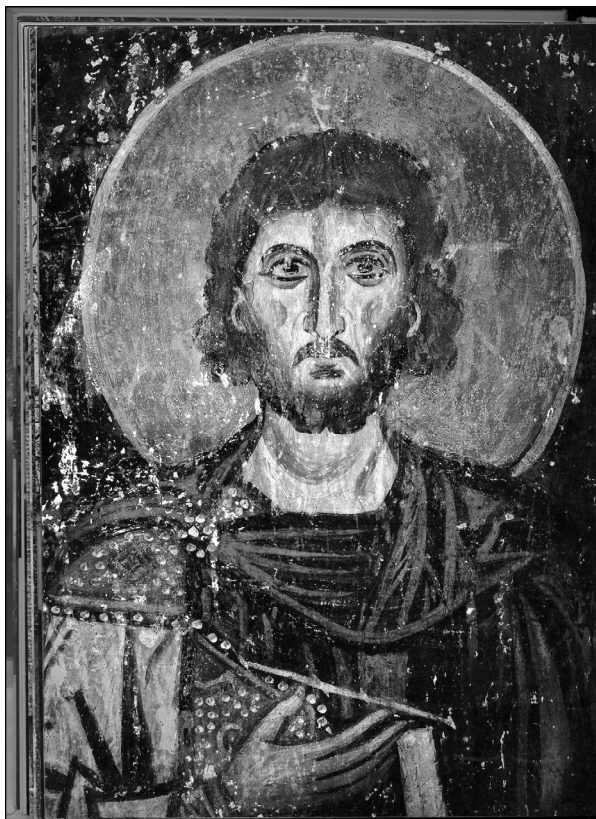

Рис. 3. Святой врач Флор. Фрагмент фрески на предалтарном столбе в Рождественском соборе Антониева монастыря. 1125 г.

Рис. 4. Бронзовый крест VI–VII в. из Метрополитен-Музея

Столь же исключительное место врачи занимают в церкви Николы на Липне, расписанной не позднее 1299 г. Косма и Дамиан (фреска сохранилась фрагментарно) располагались на северной стене вимы, напротив, на южной стене, изображены Флор и Лавр. Т. Ю. Царевская видит в руках Флора и Лавра мечи¹⁷. Но мечи не противоречат целительной функции святых. В чтениях и песнопениях новгородских миней и стихираей святым врачам, о которых говорится как о «духовным оружием препоясавшихся», «в собор небесного воинства вписавшихся», выступавшим единым фронтом с борцами за веру, вменяется воинское служение. В Стихираре 1156–1163 г., написанном неким Тупочелом при архиепископе Аркадии, Флору и Лавру положена стихира: «Ревнителя святая самобрата Христова Флоре и Лавре хвалами достойными почтена боудете сия, яко... крепко пострадавша, победный венець оулоучиста съ ангелы въ вышньиихъ ликъствоуета, прилежно моляща святоую Троицю оумирити миръ и спасти душа наша»¹⁸. В этих словах находится объяснение не только воинскому служению святых, но и изображению венца на голове одного из них. Рядом с Флором и Лавром помещен архидиакон Стефан с неизменным кадиллом, с помощью которого осуществляется сверхъестественное целение, и в этом значении Стефан вновь оказывается в пантеоне святых врачей (Рис. 5).

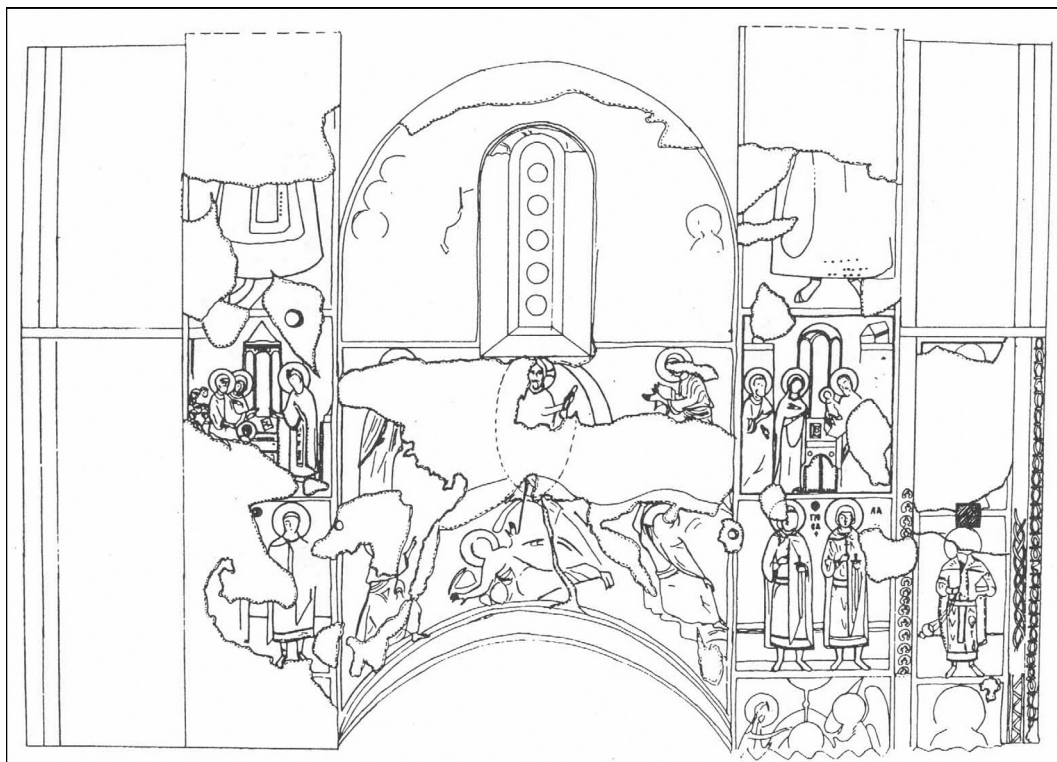

Рис. 5. Святые врачи Флор и Лавр и архидиакон Стефан. Фреска конца XIII в. в церкви Николы на Липне. Схема

Важнейшим памятником почитания святых врачей является серебряный оклад иконы «Апостолы Петр и Павел» (236х147 см). Он почти полностью покрывает икону, оставляя видимыми лики, руки и ступни апостолов и лик благословляющего Христа в небесной полусфере (Рис. 6). В среднике фон заполнен мелкими крестообразными цветками. Нимбы апостолов украшают восьмилепестковые розетки, увитые виноградной лозой. На верхнем поле представлен пятифигурный деисус: Христос, Богоматерь, Иоанн Предтеча и архангелы Михаил и Гавриил.

¹⁷ Царевская Т. Ю. Новые данные о составе росписей церкви Николы на Липне // Древнерусское искусство: Русь, Византия, Балканы. XIII век. СПб., 1999. С. 423.

¹⁸ РНБ. Соф. 384. Л. 90 об.

На левом поле — святые врачи: Косма, Дамиан, Пантелеймон, Кир, Иоанн. В правой руке Косма, Дамиан и Пантелеймон держат скальпели. На правом поле — Евстафий в полном воинском вооружении, Прокопий и Димитрий в хитонах и плащах, Фекла и Варвара (пластина не сохранилась), обе в мученических облачениях. Святые на правом поле, кроме Евстафия, держат в руке крест. Все персонажи стоят под аркой на колонках с базами и капителями. Изображения чередуются с восьмилепестковыми розетками в орнаментальном обрамлении¹⁹.

Рис. 6. Серебряный оклад к иконе «Апостолы Петр и Павел». Середина XII в. НГМ

Есть основание полагать, что оклад является княжеским вкладом в Софийский собор, когда после восстания 1136 г., главным результатом которого было укрепление правящего боярского органа, Мономаховичи возвратились в Новгород. С 1142 и до 1167 г. с небольшим перерывом сыновья и внуки Мстислава Великого удерживают новгородский престол. За эти 20 лет они в большинстве случаев сами назначали преемников и по существу в нарушение договора реставрировали прежний

¹⁹ Сведения о происхождении, истории, реставрации и сохранности оклада см.: Гордиенко Э. А., Трифонова А. Н. Каталог серебряных окладов Новгородского музея-заповедника // Музей: Художественные собрания СССР. М., 1986. Вып. 1. С. 209–215.

порядок властных отношений²⁰. Это был второй период пребывания и второй триумф власти старших Мономаховичей в Новгороде.

Приемлемой датой создания оклада может быть 1144 г., когда заметно оживилась культурная жизнь. В тот год завершили церковь Успения на Торгу, заложенную Всеволодом еще в 1135 г. Был построен новый мост через Волхов. По велению епископа Нифонта в Софийском соборе расписали притворы²¹. Очевидно, тогда же был устроен «кивот», упомянутый летописцем Германом Воятой, когда он сокрушался, что неблагодарные новгородцы «себе на грех» осудили Нифонта, взявшего софийскую казну в Киев²². Исследователи под «кивотом», как правило, понимали киворий над престолом. Следы подобного устройства времени Нифонта были обнаружены в алтаре Софийского собора²³, но отмеченный в летописи «кивот», по-видимому, имел более широкое значение. Скорее, имелась в виду вся алтарная конструкция, в которую, кроме собственно кивория над престолом, входили большие, украшенные серебряными окладами иконы, располагавшиеся на предалтарных столбах²⁴. Подобные иконы-ковчеги, формируя алтарную преграду, символизировали собой киворий Гроба Господня. Важное звено этой конструкции составляла укрытая окладом икона «Апостолы Петр и Павел»²⁵.

Выдвижение в первый иерархический ряд святых врачей, расположившихся на левом поле оклада, одесную Христа, могло быть инициативой заказчика.

В своеобразной последовательности изобразительного ряда раскрывается характер литургического действия, порядок которого в Новгороде имел свои особенности. Речь идет о поминовении святых на чине проскомидии в момент изъятия частиц из просфоры. В заключение изъятия частиц «...архиерей вынимал частицу за строителя или за совершившего память, за принесшего и за тех, за кого он принес дары, наконец, за почивших... за весь священный и иноческий чин, за всех верных, и за тех, кого хочет или должен бывает иерей помянуть» (курсив мой. — Э. Г.)²⁶. В становлении этого подвижного ритуала²⁷ участвовали разные общественные силы, но в этом примере определяющее значение в XII в. имела инициатива князя, утверждавшего свой патронат, заботившегося о вечной памяти по себе и своим родственникам. В данном случае потомки Мстислава Великого следовали известному византийскому обычаю, установленному императором Юстинианом, когда в чине поминовения покровителей царской семьи использовались диптихи с изображением на них святых патронов²⁸. Пластины на окладе иконы «Апостолы Петр и Павел» могут быть отнесены к числу подобных поминальных табличек.

Участие княжеской семьи в создании оклада проявляется и в патрональном составе святых на полях. С именами Ростислава и Всеволода отождествляются их святые покровители — архангелы Михаил и Гавриил²⁹. Фронтальный разворот фигур как бы выводит их из деисусного чина, открывая

²⁰ Святополк Мстиславич — 1142–1148 г., Ярослав Изяславич — 1148–1154 г., Ростислав с сыном Давидом — 1154–1155 г., Святослав Ростиславич — 1158–1160 г., 1161–1167 г. (Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. С. 26–32; 212–215, 217–219).

²¹ Там же. С. 27.

²² Там же. С. 29.

²³ Штендер Г. М. К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской // Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 88–89.

²⁴ Гордиенко Э. А. Большой иконостас Софийского собора (по письменным источникам) // Новгородский исторический сборник. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 211–213.

²⁵ Гордиенко Э. А. Серебряный оклад иконы «Апостолы Петр и Павел» и особенности новгородской литургии в XII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Вып. 23. С. 155–158.

²⁶ Соколов М. Симеон, архиепископ Солунский как истолкователь богослужебных чинопоследований // ЧОИДР. М., 1894. Сентябрь. С. 437.

²⁷ Мансветов И. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882. С. 15–31; Соколов М. Симеон, архиепископ Солунский как истолкователь богослужебных чинопоследований. С. 437; Муретов С. Чин проскомидии с XII по XIV в. (до митрополита Киприана) // ЧОИДР. М., 1894. Октябрь. С. 485–488, 497–528.

²⁸ Kantorowicz E. Ivories and Litanies // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. London, 1942. Vol. 5. P. 56–81.

²⁹ Янин В. А. Актовые печати Древней Руси X–XV в. С. 97, 103. № 152–4, 8, 153–2, 154–1, 155; Янин В. А., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV в. С. 38. № 152–17, 154–12, 153–4.

ряд изображений на боковых полях. Архангел Михаил на печатях Ростислава представлен в лоратном одеянии, с жезлом и сферой в руках, с широко расправленными мощными крыльями³⁰ и стилистически аналогичен изображению на окладе. С именем Изяслава определенно связано изображение Пантелеймона. День Кира и Иоанна (30 января) совпадает с днем погребения епископа Никиты (1096—1109 г.), владычество которого приходится на годы второго княжения Мстислава Владимировича³¹. Воин Евстафий может быть отождествлен с посадником Завидом-Евстафием, сыгравшим огромную роль не только в жизни князя Мстислава, регентом и советником которого он был в течение многих лет, но и в формировании своеобразного двойственного органа власти в государственном управлении Новгорода в лице князя и посадника.

Несмотря на многочисленные утраты, вставки и поновления XVI—XVIII в. и, возможно, XIX в., оклад представляет собой единое и подлинное произведение XII в. Между тем Э. С. Смирнова полагает, что оклад дошел до нас не в первоначальном виде и что, кроме сохранившихся 15 пластин с изображением святых, существовали еще две с изображением мученика Георгия и врача Ермолая и, возможно, две полуфигуры святых жен на нижнем поле. «Нынешнее расположение целителей и мучеников-воинов вертикальными колонками по “лика́м” (группам), — утверждает исследовательница, — не может быть первоначальным, поскольку не соответствует ни византийской, ни русской традиции»³².

В своем мнении Э. С. Смирнова основывается на примерах подобного типа, в которых святые размещаются попарно на боковых полях в соответствии с идейным родством, единством имен, сходством событий и взаимными отношениями. Приведенный обширный ряд произведений впечатляет. Но на так называемой Филофеевской ставроотеке, привезенной митрополитом Алексием из Константинополя в 1354 г.³³, непосредственно по сторонам креста под средокрестием изображены Косма и Дамиан в рост, вверх в медальонах — Кир и Пантелеймон³⁴. Ставроотека «с любовью» выполнена византийским мастером Иоанном и представляет собой произведение высокого столичного искусства, но изображения на ней не входят в систему, предложенную Э. С. Смирновой. В то же время в новгородских памятниках XI—XII в. отсутствуют строго канонизированные схемы изображений на полях, но все они так или иначе отражают приоритетное почитание святых врачей. На иконе святителя Николы Косма и Дамиан расположились на верхнем поле по сторонам Этимасии, в Рождественском соборе Антониева монастыря они заняли главенствующую позицию на предалтарных столбах, в церкви Николы на Липне они вошли непосредственно в алтарное пространство. Похожие инверсии можно наблюдать в каппадокийских храмах X—XII в., где система росписей представляет самые разнообразные варианты и где святые врачи нередко занимают первое место в ряду избранных святых.

Э. С. Смирнова предлагает следующий порядок фигур на окладе, сверху вниз, слева направо, попарно: Георгий — Евстафий, Дмитрий — Прокопий, Пантелеймон — Ермолай, Косма — Дамиан, Иоанн — Кир, Варвара — Фекла. Предостерегая от верхоглядства, призывая изучать каждый миллиметр, чтобы избежать ошибочных заключений, исследовательница переставляет изображения, забывая о своих наставлениях.

Между тем пластина с изображением Космы располагалась на левом поле, там, где она находится и в настоящее время, о чем свидетельствует плотное примыкание левого жгутика бордюра к самой пластине, и правого — к фону средника. Так же уверенно связана с фоном

³⁰ Там же. № 152—153.

³¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. Т. 3. С. 19, 203; Апракос Мстислава Великого. М., 1983. С. 254.

³² Смирнова Э. С. О первоначальной композиции и иконографической программе серебряного оклада XI в. иконы «Апостолы Петр и Павел» из Софийского собора в Новгороде // Древнерусское искусство: Византия, Русь, Западная Европа: Искусство и культура. М., 2002. С. 79—99.

³³ ДДГ. С. 59, 61, 197.

³⁴ Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки. М., 1977. Т. 2. С. 85, 87. Ил. 549.

пластина с изображением Дамиана, на которой бордюр соединен рукавом гиматия апостола Павла в среднике. Плотнo в соединении с фоном жгутики лиственного бордюра примыкают к пластине с изображением Кира, составляющей единое целое с верхней розеткой. Нижняя розетка также связана с этой пластиной, между ними утрачен только разделявший их жгутик. Прочно соединена с двумя розетками и пластина с изображением Иоанна, о чем убедительно свидетельствуют уцелевшие фрагменты жгутиков, соединяющие верхнюю розетку с аркой пластины, а также база правой колонки, опирающаяся на жгутик нижней розетки и последовательно спаянная с бордюром и фоном оклада. Утрачен левый жгутик бордюра вдоль пластины Иоанна, но другие, более выразительные части композиции «Кир — Иоанн» дают основание утверждать, что они не были разделены и все изображения на левом поле составляют собственную композицию. Единое целое со своими верхними и нижними розетками составляют пластины с изображением Евстафия и Феклы. Э. С. Смирнова, освобождая место Киру, переносит изображение мученицы на нижнее поле. Но пластина Феклы неразрывна с розеткой над ней и лиственным бордюром, соединенным с крестообразным фоном (Рис. 7). Нижняя розетка также принадлежала этой пластине, о чем свидетельствуют два фрагмента жгутиков по сторонам ступней мученицы, а также база правой колонки, опирающаяся на подобный фрагмент жгутика, сцеплявшего композицию.

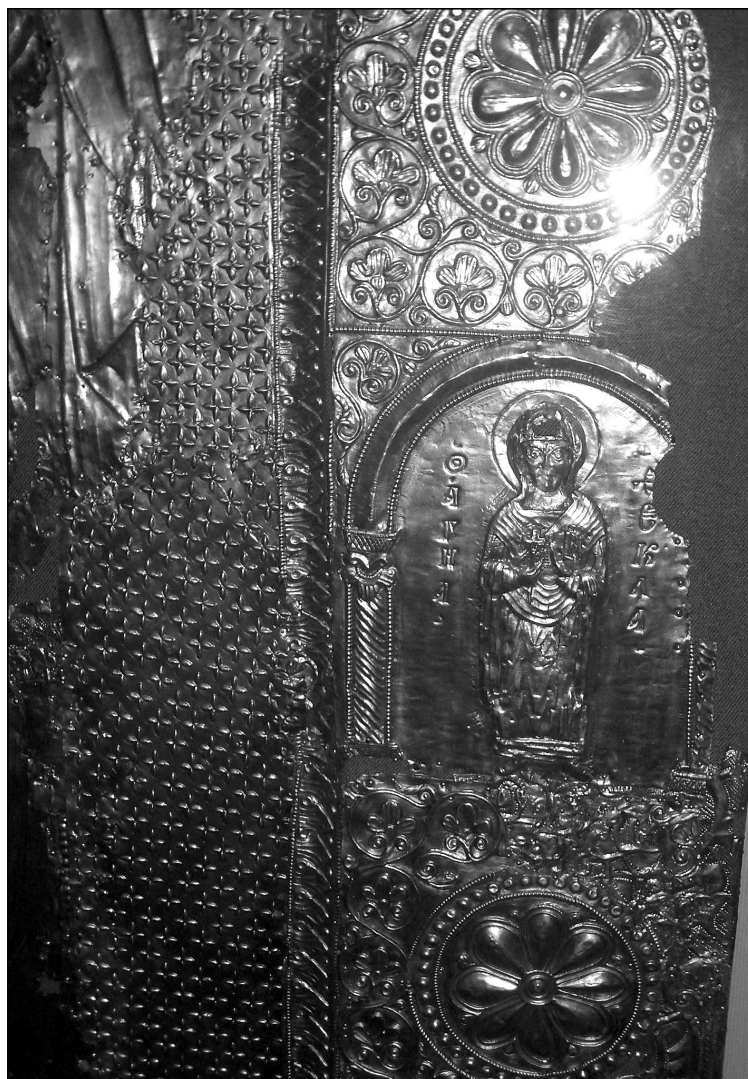

Рис. 7. Мученица Фекла. Деталь оклада к иконе «Апостолы Петр и Павел». Середина XII в. НГМ

В системе креплений оклада очевидна последовательность действий. Первым был положен орнаментированный крестообразными цветками фон, затем на него укладывались пластины одежд, нимбы апостолов и бордюры. И, наконец, выводился жгут, обрамлявший бордюры и пластины с изображением святых на полях. Его изломы на углах пластин и даже утраты демонстрируют очередность действий.

Этих наблюдений достаточно, чтобы убедиться в первоначальности композиции оклада, на котором все святые занимают свое исконное место. Вместе с тем, если принять гипотезу Э. С. Смирновой, возникает вопрос: когда и с какой целью оклад мог быть перестроен таким коренным образом? В этом действии новое расположение врачей, занявших приоритетное место, должно иметь какое-то объяснение. Но, чтобы совершить подобную перестановку, нужно было действительно «резать по живому». Между тем многочисленные утраты — результат естественных разрушений такого хрупкого изделия, каким является оклад, — и следы чинков, совершенных 400–600 лет спустя, показывают, с каким вниманием выполнялась эта сама по себе уникальная реставрационная работа.

Серебряный оклад иконы «Апостолы Петр и Павел» — одно из тех глубинных произведений, в которых отразились многие стороны современной им действительности. Человек и его место в обществе, отношения светской и духовной власти, религиозный ритуал, избранный патрональный культ и общественный пантеон святых — все эти тесно связанные и взаимообусловленные темы определяют замысел этого выдающегося творения.

В настоящей статье лишь частично затронут один из аспектов его идейной программы. Возвышенный старшими Мономаховичами культ святых врачей в силу своей практической пользы был широко востребован обществом, о чем свидетельствует его непрерывное развитие в течение последующих столетий.